

17 апреля 2025 г.

Sic est vita hominis – Такова жизнь человека: студенты из Кыргызстана и Казахстана об академическом, бытовом и городском пространствах Томска

Николай Погодаев, Екатерина Дудзик

Причиной массовой образовательной миграции из Кыргызстана в Россию и другие страны является слабость системы высшего образования в стране с точки зрения кадрового состава и технического обеспечения. По данным на конец 2024 г., в вузах России училось 16 тысяч граждан Кыргызстана, из них 7 тысяч – на бюджетной основе. В 2024 и 2025 годах было выделено по 700 квот для обучения в российских вузах. В университетах Томска на начало 2024–2025 учебного года училось около 500 выходцев из Кыргызстана.

Основными причинами учебной миграции из Казахстана в Россию являются высокое качество российского образования и его экономическая доступность. Казахстан является лидером по количеству обучающихся студентов в России. По данным посольства Казахстана в России, в вузах нашей страны на конец 2023 года обучалось около 67 тысяч казахстанских студентов, из них на бюджетной основе – 30 тысяч. На начало 2024–2025 учебного года в вузах Томска обучались 5,4 тысячи граждан Казахстана, что составляет 47,6 % от всех иностранных студентов томских вузов.

В рамках работы по гранту РНФ, используя целевую выборку и методику «снежного кома», мы провели по двадцать индивидуальных полуструктурированных интервью со студентами,

Николай Погодаев – канд. ист. наук, доцент кафедры социальной работы Национального исследовательского Томского государственного университета.

Екатерина Дудзик – лаборант Центра евразийских исследований Национального исследовательского Томского государственного университета.

**Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-78-10036,
<https://rscf.ru/project/23-78-10036/>**

Высказанное в публикации мнение отражает исключительно личный взгляд автора
и может не совпадать с точкой зрения Центра евразийских исследований ТГУ

приехавшими в университеты Томска из Казахстана и Кыргызстана. Среди них были студенты и бакалавриата, и магистратуры, представители титульных этносов этих стран и русские. Последних было больше.

«Alea iacta est» («Жребий брошен»)

Студенты из Кыргызстана объясняют свой выбор обучения в России рядом личностных и внешних причин. К числу внешних относится языковая ситуация в Кыргызстане. Многие говорили о том, что на родине «...обязательно нужно ...знать кыргызский язык, потому что его требуют во всех вузах, и при поступлении тоже он сдается». Упоминалась, например, такая ситуация: «...один учитель позволил себе высказываться, что вы не кыргызка, я вам пять не поставлю, как не учите, меня не волнует...». Стоит пояснить, что по Конституции Кыргызской Республики, очередной вариант которой был принят в 2021 году, кыргызский язык является государственным, а русский – официальным (ст. 13). На этом основании речь идет о том, что он является «предметом государственного признания, находится под защитой государства». Те же позиции подтверждены в Конституционном законе «О государственном языке Кыргызской Республики» 2023 г. Тем не менее культурная дистанция, накладываясь на остроту рефлексии представителей разных этносов, вступает в противоречие с этими положениями и может восприниматься как фактор выталкивания: «многие кыргызы... хотят, чтобы... русские... валили в свою Россию. ... мы очень часто с этим сталкиваемся...».

Причиной отказа от обучения в Кыргызстане часто называли и коррупцию: «... Взятки за сдачу зачетов, экзаменов, диплом». «... Я знаю о том, что есть преподаватели, которые [пауза] могут поставить зачет исключительно за деньги». Эти две цитаты принадлежат русским студентам. Третья – представительнице коренного этноса: «в Кыргызстане все можно закрыть деньгами, то есть вообще... не учась никак. ... качество образования, честно говоря, не очень..., даже... если они не посещают занятия, они там подкупают преподавателей и так и заканчивают». Студенты говорили и о качестве преподавания в некоторых вузах на родине: «...есть преподаватели, которые... в принципе не учат. ... Не компетентны в своей профессии». Сопоставлялись уровни подготовки на гуманитарных факультетах: «... мы... по информатике проходим здесь [в Томске] сильные программы..., а там... учат пользоваться таблицей Excel, ... хотя это 3 курс». В Томске абитуриенты поступали на направления, качественных аналогов которым в Кыргызстане, по их словам, не было: «...по моей профессии, агрономия, у нас нет хороших университетов. То есть в Кыргызстане в целом сельскому хозяйству обучение плохое».

Личностные причины артикулировались с точки зрения карьерных перспектив: «... меня привлекло то, что здесь... много различных возможностей для своей реализации», эмоционального подхода: «...хочу остаться в России... даже сам менталитет мне здесь нравится больше», расширения социального капитала за счет студентов из других стран: «Томск... такой город, где очень много именно иностранцев, и я хотел... пообщаться с людьми иного мировоззрения».

Все наши респонденты учились в Томске на бюджетной основе, что имело для них большое значение. В Кыргызстане подобные шансы невелики: «у нас очень сложно с бюджетными местами..., потому что их очень мало». При этом некоторые студенты исходили из сопоставления «цена-качество», а не просто абы что, лишь бы на бюджете: «Я когда сдавала в разные университеты экзамены, уже было понятно, ... как будет проходить форма обучения. То есть где-то было все строже, где-то прям совсем легко. Ну, где было легко сдавать экзамены, сразу было понятно, что и университет не зря понизил стандарты. Для слишком высоких, ну, я была бы глупой, потому что я не дотягиваю до такого. А вот среднее, это как раз то, что мне нужно – как раз Томск». Обращалось внимание и на материальную сторону студенческой жизни: «... тут проще найти жилье, еду за более доступные цены... самые дешевые по оплате общежития».

Причиной поступления в томские университеты являются и квоты, выделяемые через Россотрудничество: «... я подавал в Санкт-Петербург СПбГУ, в МГИМО..., в Высшую школу экономики, в РУДН. ... потом отменил, забрал заявку, так как выиграл квоту в ТГУ».

Причины выбора обучения в России казахстанскими студентами не сильно отличается от причин выбора студентами из Кыргызстана. Языковая ситуация внутри страны, а именно образование на национальном языке, оказывает влияние на миграцию русскоязычных слоев населения из Казахстана. Студенты в интервью не единожды указывали, что учеба в вузе Казахстана проходит на казахском языке: «... я не хотела в Казахстане оставаться, как минимум из-за языка. Потому что я его не знаю, а знать его не сильно стремлюсь». Влияет это и на трудоустройство – многие работодатели отдают предпочтение кандидатам, владеющим казахским языком: «... сейчас такая ситуация в Казахстане, что без знания казахского языка очень тяжело куда-то устроиться».

Студенты отмечали предвзятость и неравенство в образовательной среде на национальной почве: «Я участвовал часто в дебатах и участвовал довольно хорошо. И зачастую не проходил просто из-за славянского личика...». В ответах некоторых студентов читалось серьёзное недовольство текущей социальной и культурной ситуацией в Казахстане из-за давления на русскоязычное население: «Мне надоела обстановка в Казахстане, то, что русских прижимают». Это указывает на ощущение у информантов чувства дискриминации или неравного отношения, что, в свою очередь, может создавать атмосферу враждебности и отчуждения. Вспоминая о том, как им говорили: «Езжайте к себе на родину, в Россию», респондент объяснял усиливавшееся желание покинуть страну.

Другой проблемой, с которой сталкиваются студенты при обучении в Казахстане, являются финансовые вопросы. Во-первых, говорили о том, что образование в Казахстане дорогое, а бюджетные места малодоступны. Это оказывает большую финансовую нагрузку на семьи: «... у нас мне не подходило образование... оно... дороже намного». Во-вторых, несколько раз упоминались выборы: «...коррупции много в Казахстане». Это подрывало доверие к учебным заведениям: «Я изначально знала, что буду поступать в Россию, потому что не очень

доверяю нашей образовательной системе». От обучения за границей студенты ожидают более глубоких и практических знаний: «... я рассчитывал на то, что в Томском государственном университете я получу больше знаний, чем в Казахстане». Так же, как и в случае со студентами из Кыргызстана, казахстанские студенты в Томске поступали на направления, которые отсутствуют, по их словам, у них на родине: «Я выбрал нефтегазовое дело, посмотрел в Казахстане на нефтегазовые университеты: их там либо нет, либо они на низком уровне».

Личностные причины студентами из Казахстана упоминались реже, чем студентами из Кыргызстана и были обоснованы в основном эмоционально: «как-то мне сюда ближе, роднее», «Я русский человек... я Россию люблю. Я собираюсь российское гражданство получать».

Выбор Томска обосновывался, во-первых, территориально: «Сибирь нам ближе всего... Я туда могу на автобусе добираться, даже можно и не на поезде». Во-вторых, формированием землячеств: «Я дружил в основном с теми ребятами, с которыми сейчас здесь обучаюсь». Последнее помогает снизить тревожность и создает ощущение безопасности: «... я тут не одна останусь... так бы я вряд ли поехала куда-то действительно далеко одна».

«Ex providentia maiorum» («По завету предков»)

Немалое влияние на выбор места учёбы оказали родители и другие родственники студентов из Кыргызстана. У кого-то в России, а то и в Томске старшие братья и сёстры учились, у кого-то родственники работали: «И тётя здесь училась в ТГУ, и её дети в ТГУ. Сестра у меня также двоюродная училась в ТГУ. Двоюродный брат у меня учился в политехе». Родители девушек отдавали предпочтение Томску, порой, как наиболее безопасному городу: «Я сдавала экзамены в два вуза... в первый вуз меня непустили ... СКФУ... Северо-Кавказский... в основном побоялся папа..., что я приеду туда, и меня сразу в жены украдут». Позиция чьих-то родителей была серьезным вложением в будущее семьи: «Мои родители грезил прямо, чтобы я уехал из Кыргызстана и осел где-либо еще, чтобы смог выучиться. Поэтому, даже несмотря на какое-то положение финансовое, это своего рода инвестиция, скажем так, которая рано или поздно обязательно сыграет». Хотя бывали и семейные драмы, когда родителям не хотелось отпускать ребенка в другую страну или бабушка боялась лишиться опоры в лице внуки.

Некоторые студенты из Казахстана подчеркивали, что их родители испытывали стресс и тревожность, отпуская их учиться в другую страну: «С опасениями какими-то легкими... отец до последнего... муштровал, чтобы все было точно, чтобы поступил». Желание родителей, чтобы ребенок обучался недалеко от родного дома, может быть связано с культурными и семейными ценностями, где близость к родным играет важную роль в поддержании эмоциональной связи и помощи: «... мои родители не хотели, чтобы я уезжала далеко и была относительно близко к своему дому».

Были студенты, которые отмечали, что идея поступления в российский вуз изначально принадлежала вовсе не им, а родителям: «Папа у меня всегда хотел, чтобы я поехала учиться в

Россию». Некоторые информанты объясняли, что это было связано с осознанием родителями недостатков образовательной системы в Казахстане и их стремлением обеспечить детям лучшие возможности: «Они тоже хотели, чтобы я в Россию поступила, потому что они... понимали, что в Казахстане система образования не настолько развита». Некоторые студенты объясняли это эмоциональными факторами: «Я росла в семье, где Россия была для нас второй родиной». Таким образом, выбор учёбы в России нередко становился результатом решения всей семьи.

«Non scholae, sed vitae discimus» («Мы учимся не для школы, а для жизни»)

Школьные учителя в Кыргызстане по-разному относились к планам подопечных учиться в России. Порой «были за то, чтобы оставалась на родине, помогала ей», но чаще всего «были рады, когда узнали..., что мы поступили», а то ещё и помогали: «Моя классная руководительница... мне постоянно приносила какие-то брошюры разных университетов». Чувствовалась разница между школами, которые заканчивали ребята. Где-то учёба за границей была почти в диковинку: «... в моей школе... было не распространено то, что... уезжают ребята... за рубеж учиться. ... и когда учителя узнали, что... я поступила, они так скептически отнеслись, такие, типа: “Ты уверена, что ты хочешь ехать?” ... Ну, в основном были рады, ... там гордость такая была, что вот кто-то со школы уезжает учиться в Россию». А где-то учёба за рубежом была весьма распространённой практикой: «Конечно, одобряли, потому что на моей школе очень много выпускников, которые учатся за границей, в России, в Европе, в Америке, ... И, собственно, гордятся потом своими учениками, которые закончили вузы за рубежом». Чувствовалось, что каким-то школам в Кыргызстане рекрутеры уделяли особое внимание: «К нам приглашали спикеров, вот были с Европы, с России, и вот именно с ТГУ, ... Но в основном это университеты, которые с Европы и Америки приходили спикеры». Говорили студенты и о том, что «правительство... против того, чтобы мы поступали в российские вузы... из-за того, что мне выдали 15 сентября документы [об окончании бакалавриата], я не смогла [сразу] поступить в магистратуру в России».

Материалы интервью позволяют выделить разные позиции администраций школ Казахстана по поводу обучения их выпускников в России. Некоторые студенты отмечали, что были учителя, которые прямо отговаривали от поступления в Россию, ссылаясь на то, что они нужны “здесь”: «...негативно, конечно, отнеслись к этому: “не надо, зачем, останься в Казахстане... ты нам нужен, не слушай никого, оставайся”». Или же пытались демотивировать учащегося: «Они сказали, что ты поучишься в России и все равно приедешь обратно домой, потому что в России меня никто не ждет». Информанты подчеркивали различия в подходах к обучению и воспитанию в казахских и русских классах в образовательных учреждениях Казахстана. В казахских отделениях акцентируется внимание на патриотизме и любви к родине, что может создавать давление на студентов, заставляя их чувствовать необходимость служить интересам своей страны: «... ученики, которые учатся в казахском отделении, там и учителя призывают к патриотизму, там есть установка, что все в Казахстане, все на родину». В то время как

в русских классах учителя проявляют более нейтральное отношение, что может дать студентам больше свободы в выборе места для дальнейшего обучения: «... я училась в русскоязычном классе, и учителя у нас также были русскоязычные, в основном русские, и они по этому поводу абсолютно ничего негативного не говорили. То есть полностью во всём нас поддерживали, как ребят, которые поступали в российские вузы, так и ребят, которые поступали в вузы Казахстана или какой-либо другой страны». Некоторые студенты говорили о стремлении учителей помочь ученикам добиться успеха в России, хотели видеть их конкурентоспособными на международной арене: «Они очень радовались тому, что покажешь свои знания уже там, в России... весь преподавательский состав максимально помогал, чтобы на бюджетные попали все учащиеся школы». Это можно рассматривать, как определённую мировоззренческую позицию по крайней мере части русскоязычного учительского корпуса современного Казахстана, их видение судьбы русскоязычных в этой стране.

«Amicus verus cognoscitur amore, more, ore, re» («Истинный друг познаётся любовью, отношением, словом, делом»)

Принимающее общество воспринималось студентами-мигрантами, прежде всего, через отношения с сокурсниками и преподавателями. Этнические кыргызы отмечали, что изначальное восприятие их группой было основано на фенотипе и, видимо, неких существующих стереотипах: «...их первая реакция была то, что я либо не знаю русского языка, либо плохо на нем говорю». В адрес студентов-мигрантов иногда раздавались упрёки в том, что они поступили по облегченному варианту: «... такие вот разговорчики были, ... что нам было легче поступить, чем россиянам». В риторике сказывался и растиражированный в СМИ образ «Понаехавших»: «... была обида одной девочки, ... что мы не русские понаехали и заняли бюджетное место, а она из-за этого не смогла поступить». Говорилось вместе с тем и о помощи со стороны местных студентов: «они хорошо относятся... Иногда в информатике они больше обращают внимание на меня и помогают». В целом, по прошествии периода первичной адаптации, звучала фраза «Нормально, я со всеми хорошо общаюсь, ни с кем не ссорюсь». Но в целом ряде интервью речь заходила о том, что даже русские респонденты из Кыргызстана выстраивали более тёплые отношения со студентами из СНГ, нежели с россиянами: «... человек, который расселял нас ... он всех СНГ-шников собрал на 13 этаже. ... у нас один менталитет. И мы спокойно друг друга уважаем, какие-то определенные особенности друг друга терпим». Выходцев из СНГ, даже, порой, безотносительно к этнической принадлежности, сближали элементы культурного кода: отношение к родителям и к старшим вообще, «кто такая келинка (молодая невестка – авт.) и каковы её права», «что [будет считаться] харам (запретное, греховное – авт), ... уяд» (так стыдно будет – авт.), вплетение в речь только им понятных слов и образов.

Отношение преподавателей также порой зависело от сложившихся стереотипов: «Судили по внешности и думали, что плохо знаю русский» – сказала девушка-кыргызка, а её русская сверстница обрисовала другую ситуацию, далёкую от толерантности: «преподавательница

... как-то сказала очень неприятную вещь: “а, ну вы там оттуда приехали, там же на конях до сих пор ... ездят, там русский язык не преподают вообще”». Были случаи, когда респонденты говорили о своей маргинальной ситуации и на родине, и в Томске. Девушка-татарка, живя в русскоязычной семье в Кыргызстане, не знала кыргызского, сталкивалась из-за этого с неприятными ситуациями. А в Томске о ней судили по внешности, и она тоже чувствовала себя чужой: «Говорю, как в Кыргызстане у меня такая ситуация возникает, так и здесь». Хотя почти никто из респондентов не говорил, что преподаватели отказывали в помощи, если студент обращался к ним: «мне нравится, что можно всегда спросить у преподавателя, и он ответит, разъяснит». Порой подчёркивали инициативу преподавателей: «Они наоборот говорят: “Если вам что-то непонятно, лучше сейчас подойти и спросить, чем потом”». Доброжелательную атмосферу на занятиях одна из собеседниц выразила так: «У тебя нет чувства стыда, что вот ты сейчас скажешь что-то не так». Или вот мнение об атмосфере на факультете в целом: «У нас очень классный декан... прям заботится о нас, как о своих детях». Молодой человек с карьерными устремлениями перфекциониста описал ситуацию следующими словами: «Очень многие отмечают мои успехи, говорят о хорошем будущем... все всегда охотно помогают...».

Со студентами из Казахстана дела обстоят иначе, как с русскоязычными, так и с этническими казахами. Казахстанские информанты чаще указывали на то, что среди их друзей и знакомых есть как россияне, так и казахстанцы, и они не видят значительной разницы между людьми двух стран: «... да 50 на 50. У меня очень много близких друзей и знакомых, кто с России и те, кто с Казахстана... Как-то выделить кого-то больше, кого-то меньше не могу». Так, студенты чаще подчеркивали, что в их окружении нет предвзятости или предпочтений к одной из групп, и что они воспринимают своих друзей как равных, независимо от их происхождения. Один из информантов – этнический казах, сказал: «Я не могу определить людей из Казахстана, с России, потому что я живу сейчас с гражданином России, я с ним прям очень хорошо лажу, это, типа, мой лучший друг. И с гражданами Казахстана тоже нормально. У нас просто компания... мы с ними нормально общаемся. И не делим друг друга, как русский, казах или чеченец». Это также может говорить о его открытости и способности к интеграции в разные культурные контексты, что является важным в условиях межкультурного общения: «... я достаточно коммуникабельный человек, со многими могу найти общий язык».

Русские из Казахстана тоже отмечали свою открытость и общительность, которая способствовала их быстрой интеграции в новую среду: «Они все знают, что с Казахстана люди очень общительные и заводи́ла». В целом студенты отмечают позитивный опыт взаимодействия с местными учащимися. И говорят о том, что те проявляют дружелюбие и открытость, что создает комфортную атмосферу для общения: «Местные студенты относятся нормально, по-дружески. Также здороваются, общаются по-доброму. Ничего такого особенного нет». Фраза "нормально, по-дружески" говорит о том, что студент не сталкивается с предвзятостью или негативным отношением, что важно для социальной интеграции. Один из респондентов отметил, что атмосфера в группе почти семейная: «... у нас великолепная группа, я очень рад

учиться с этими людьми... Когда кто-то успешно сдает экзамен, все рады за человека. Если у кого-то что-то не получается, его поддерживают».

Конечно, негативный опыт – ссоры и недопонимания – у них тоже бывают, но они их отмечали гораздо реже и связывали с индивидуальными характеристиками отдельных людей. Например, говорили о том, что были трудности в командной работе с не мотивированными на учебу студентами: «Они не то, чтобы не хотели быть именно со мной, они в принципе не были заинтересованы учебой. То есть работать они не хотят, а когда ты попадаешь с ними в группу, работать тебе приходится одному». Одна девушка указала на то, что ее отказ участвовать в социальных мероприятиях группы, таких как походы в клубы и бары, привел к дистанцированию от одноклассников: «... вначале все было очень хорошо... позже я просто отделилась от одноклассников и перестала с ними общаться... они меня могли звать в какие-то клубы, в какие-то бары. Я отказывалась. И я так думаю, что они на меня обиделись... иногда бывает такое, что я остаюсь просто одна».

Интересный факт – о предвзятости некоторых томских преподавателей говорили информанты русского происхождения. Преподаватель мог называть их «казахами» и мог даже позволить себе оскорбительные высказывания: «Есть некоторые преподаватели, которые предвзято относились... был один преподаватель... он относился к студентам из СНГ предвзято: “Вот ты из Казахстана – ты казах”, там неким студентам из Узбекистана, он их “чурками” называл». Студенты говорили о случаях предвзятости, использования стереотипов. Упомянулся преподаватель, который высказывал недовольство по поводу их присутствия в России: «... есть националисты, которые не хотят помогать, потому что националисты... “Езжай обратно в Казахстан, там обучайся”». Студенткой был упомянут случай, когда преподаватель проявлял явные признаки предвзятости, разделяя студентов на группы в зависимости от их национальности. Это создавало атмосферу неравенства и несправедливости, когда одни студенты получали привилегии или более благоприятные условия, а другие сталкивались с ограничениями: «... некоторые были учителя, которые делили... на национальности, я имею в виду... Они прямо говорили: “Те, кто из СНГ, садитесь в этот ряд, этот садитесь в другой ряд” ... На экзамене нас так посадили и потом нас заставляли проходить экзамен... Мы сдавали экзамены, а они нет». Представляется, что такой подход может негативно сказываться на учебном процессе и моральном состоянии студентов, формировать чувство изолированности и недооцененности.

Однако, другие студенты отмечали объективность оценивания своими преподавателями, говоря о том, что во время учебы все студенты находятся в равных условиях: «Преподаватели они все объективные. Мне нравится то, что они беспристрастно оценивают возможности человека, студента... Нет такого, что кто-то становится нелюбимчиком, а кто-то любимчиком». И если они сталкивались со строгими и требовательными преподавателями, то спрос был одинаковый со всех учащихся группы, независимо от национальной принадлежности или других факторов: «Есть преподаватели, конечно, которые относятся чуть строже, в целом, ко

всем ребятам. Есть преподаватели, которые всегда на какой-то легкой дружеской волне, также со всеми ребятами. То есть никого отдельно не выделяют», ... «им по большей части все-равно откуда ты, что ты, где ты, как ты. Самое главное, чтобы ты учил их предмет и все». Также студенты отмечали, что преподаватели готовы оказывать помощь и идти навстречу студентам, что создает комфортную атмосферу для обучения: «Мне ни разу не отказывали, что, если где-то какие-то вопросы, я всегда сталкивалась наоборот, когда преподаватель идет к тебе на встречу и пытается помочь».

«Per aspera ad astra» («Через тернии к звёздам»)

Многие студенты бакалавриата объясняли трудности в учёбе на первом курсе более слабой школьной подготовкой на родине. Вот пример одного из тернистых путей, когда студентке пришлось отказаться от обучения на естественно-научном направлении и перевестись на гуманитарное: «... у нас в школе информатика не велась, а здесь уже требовали базовых знаний... С математикой тяжело... было, потому что у нас преподаватели постоянно менялись, и кто-то не вел уроки в принципе, сидели просто разговаривали о жизни. ... химию вели слабо, мы в основном только конспектировали и зазубривали таблицу Менделеева. ... Там в принципе не было оборудования для ... опытов». Подобная ситуация, похоже, понятна некоторым учителям и в стране исхода: «Мы даже в Кыргызстане старались учиться по российским учебникам, а не по тем, которые выпускаются у нас. Но это инициатива исключительно нашего педагога была». И это, не говоря уже об истории России, которую в школах Кыргызстана проходят в минимальном объёме. Студенты магистратуры отмечали более слабую подготовку в бакалавриате на родине по сравнению с уровнем их российских сокурсников.

Так же, как и студенты из Кыргызстана, казахстанские студенты отмечали трудности в учебе, связанные с более слабой школьной подготовкой в Казахстане: «... как я уже ранее сказала, что в Казахстане образование не очень... были окна в знаниях». Из-за недостатка подготовки в школе, где преподавание было не на должном уровне, студенту пришлось "пахать" - усердно учиться и прилагать дополнительные усилия, чтобы не отставать от сверстников: «У нас первые два года были базовые знания в плане математики, физики... Поэтому приходилось прям в полной мере пахать, чтобы... как бы не отставать от всех студентов. Если у меня в школе, допустим, не было преподавателей по физике, по физике заменяла преподавательница по математике, ... конечно, не хватало знаний». Чаще всего на данную проблему указывали студенты технических направлений. Когда выпускники российских школ уже имели представление о предмете и могли воспринимать его на более глубоком уровне, студенты из Казахстана оказывались в невыгодном положении: «мы [казахстанцы], когда просто пришли на начертательную геометрию, мы ничего не знали, мы даже не знали, как карандаш в руках держать. Они [россияне] уже понимали и смотрели на те же объекты другим взглядом, не как мы».

Другие проблемы, с которыми пришлось столкнуться студентам в начале своего пути, были следующие – сложный научный текст: «непонятен сам текст, который тебе дают. Вроде бы

перечитываешь, перечитываешь, и все равно ничего не понимаешь» и высокая нагрузка: «Не ожидал, что будет такая нагрузка серьезная, и как бы тяжело было. Этот семестр я с большим трудом закончил».

«Concordia discors» («Согласие противоположностей»)

Именно в общежитиях студенты теснее всего сталкивались с порой очень разной культурой друг друга. Сфера быта рассматривалась нами, как коммуникативное пространство, влияющее на адаптацию студентов в принимающем обществе и опосредованно – на учёбу. Причём чисто бытовые неурядицы – плесень в душе, тараканы и клопы в комнатах или наоборот хорошие условия в более современных общежитиях, где «... чистая секция, туалеты, ванна, ... раз в несколько дней приходит клининг, убирает всё. Учебные комнаты... оснащены компьютерами... в спортзал можно сходить», отделялись от того, что можно отнести к разнице культур. Девушки из Кыргызстана, например, испытывали дискомфорт в общем душе: «...бывало, что люди просто стоят, смотрят на тебя, ... было неприятно в такие моменты». Но вот совершение намаза в комнате, по словам наших респондентов, никогда к конфликтам не приводило: «Одна девочка была памиркой, она совершала намаз, другая девочка была христианкой... ходила в церковь. ... и они всегда друг к другу с пониманием относились... когда я приходила в гости к ним, и попадала вот в это время [намаза], то мы без каких-либо трудностей могли тихо посидеть, и это нас не злило, мы просто ждали и всё». Процедура намаза весьма распространена среди студентов из Центральной Азии, и мы не можем поручиться, что это абсолютно никогда не вызывает разногласий в комнатах общежитий.

Одна русскоязычная студентка из Казахстана рассказала, что основная сложность в коммуникации была вызвана тем, что ее соседки по комнате «... не очень хорошо владели русским языком». Она переехала в другую комнату. В то же время другая русская студентка из Казахстана сказала, что оказалась единственным представителем Казахстана в комнате, что привело к чувству изоляции и недостатку взаимопонимания с соседками: «... получилось так, что заселили в комнату, я была одна, кто из Казахстана, вот. И не сразу мы нашли общий язык». Но были и студенты, которые отмечали, что ни только не возникало никаких конфликтов с соседями по общежитию из других стран, а наоборот такое соседство помогло быстрее адаптироваться к новой среде и интегрироваться в российское общество: «... они были все россияне... тут мне тоже очень повезло. Прекрасные люди, многому меня научили, многие вещи объяснили. ... Летом они закончили четвертый курс, съехали. Я сейчас живу с парнем из России, с двумя парнями из Казахстана. И у нас отличное взаимодействие, отличное отношение. ... я бы даже... назвал бы их около семейными, что ли».

«Ex ore parvulorum veritas» («Устами младенца глаголет истина»)

Как студенты из Кыргызстана свежим взглядом воспринимают природную и городскую среду Томска? Большинству жителей тёплой страны Томск кажется очень холодным, с малым количеством солнечных дней, но радует чистым воздухом и окружающими лесами. Для

жителей столичного Бишкека Томск – маленький и тихий, для провинциалов – большой и шумный. Для всех – безопасный. Восхищает архитектурой старой каменной и деревянной застройки, рекреациями: «Роща ТГУ — это вообще для меня... отвал башки был, скажем так». В Кыргызстане нет зданий старше советской застройки 40-50-х годов XX века и потому юношеское воображение соотносит реалии Томска с книжными образами далёких стран: «Университет очень поразил, ... как замок выглядит ТГУ». Для многих непривычным оказался цифровой сервис в магазинах и на транспорте. Привлекает большое количество различных, в том числе и научных, мероприятий, информирование о них в пабликах – завораживает большое количество молодёжи. Разочаровывает неуважительное отношение молодёжи к старшим. Внимание на это обращают не только кыргызы, но и русские из этой страны: «... была очень удивлена. ... у нас в городе всегда, когда ты заходишь в автобус, молодые люди встают без всяких уговоров... Тут же в автобусах... бывает, когда такого не делают. ... некоторые ровесники очень грубо... общались с преподавателями, либо же со своими родителями...». Но кто-то посмотрел на томичей с иного угла зрения: «Мне понравились люди. ... для меня они были какие-то супернеобычные. Потому что у меня в городе они... все азиаты и все одинаковые. А здесь все русские, как-то одеваются прикольно. И разговаривают классно, дружелюбно. И мне вот это вот больше всего понравилось».

Студенты из больших городов Казахстана указывали на различия в системах оплаты за проезд в общественном транспорте. У них на родине устройства для оплаты установлены на всех дверях автобусов, что минимизирует задержки и обеспечивает комфорт для пассажиров. В Томске автобусы маленькие, часто переполнены, пассажиры вынуждены передавать деньги водителю, что создает неудобства: «... в Алматы... стоят устройства, и карту подносишь, и у тебя автоматически оплата идет. Они стоят там на входе, выходе, ну, то есть на всех дверях. Здесь же [в Томске], во-первых, всегда автобусы маленькие, они всегда забиты постоянно, приходится лично водителю передавать. Даже ездить как-то стремно из-за этого. Потому что водитель постоянно отвлекается, чтобы оплату произвести». Кроме того, изначально студенты из крупных городов Казахстана испытывали разочарование и неудовлетворенность при сравнении родных городов с Томском. Так, студентка из Алматы, рассказала, что ее город более динамичный, и с ним трудно было сопоставить маленький и спокойный Томск. Однако со временем адаптировалась: «... я очень сильно расстроилась, когда приехала в Томск, и я начала сравнивать с Алма-Атой. Это была моя ошибка... “Алма-Ата такая большая. Я приехала вот сюда. Зачем?” А сейчас привыкла».

При этом информанты восхищались разнообразием архитектуры и атмосферой, которая царит в городе. Особенно их впечатлил контраст между современными зданиями и традиционными деревянными домами: «... мне очень понравились деревянные домики, очень понравилось то, что ты проходишь, сначала какое-то такое красивое новое здание, а напротив избушки-деревушки». Деревянные дома могут ассоциироваться с культурными корнями региона, говорить о важности сохранения исторического наследия, как одной из особенностей города. Студенты из небольших городов Казахстана акцентировали внимание на чистоте

Томска и разнообразии культурных и развлекательных объектов: «... чистый город, много достопримечательностей, много мест, где можно провести классно свой досуг». Также, как и студенты из Кыргызстана, казахстанцы отмечали чистый и насыщенный кислородом воздух: «Постоянный свежий воздух, ... насыщенный кислород. Это прям вот, если сравнивать с Астаной, например, это очень сильно ощущается. ... когда на поезде приезжаешь в Сибирь..., сразу чувствуешь разницу между Казахстаном – степью, и Сибирью – лесом». Студенты обращали внимание на то, что в Томске не просто очень много молодёжи, а очень много молодёжи из разных стран с разными взглядами и культурными традициями: «Мне понравилось то, что в Томске реально много студентов. У каждого можно свое впечатление найти, и у каждого свой опыт жизненный был».

«Omnis comparatio claudicat» («Всякое сравнение хромает»)

Тем не менее интервью с магистрами, закончившими бакалавриат на родине и обучающимися в магистратуре в Томске, дали возможность сравнить некоторые аспекты работы вузов двух стран. Сравнения прозвучали по крайней мере по трём направлениям: поведение преподавателей и студентов, техническое обеспечение, технологические подходы. Респонденты отмечали более высокую квалификацию преподавателей томских вузов: «Тут преподаватели более знают, более доходчиво могут объяснить...», требовательность с их стороны как залог качества студенческих работ: «Я действительно всю работу... проделываю сама. Я знаю, что мой диплом – это диплом, полученный моими силами, кровью, потом и слезами». Диалогичность взаимодействия студентов и их наставников: «Студенты в Кыргызстане зависели... от преподавателя. Что им сказали, то они и сделали... Здесь студенты немножко потребовательнее к преподавателям, к факультету, типа: “сделайте расписание вечером” и “поменяйте, пожалуйста, преподавателя, потому что она мало знает”, ... очень много вопросов задают. ... Если им... предмет не понравился, они говорят прямо: “Ваш предмет мне не понравился”, или “вы хорошо нам привели лекцию”, [а в Кыргызстане] мы молчали, если мы были против преподавателей, ... у нас строго. Мы не могли сказать...».

Респонденты конечно же обращали внимание на техническую оснащённость томских университетов: «У нас на кафедре вот мы геодезическими приборами пользуемся. А в Кыргызстане... их там не было. Старые были, просто показывали нам, мы ими не пользовались». Результативность и самооценка магистрантов повышалась за счет работы на хорошем современном оборудовании: «... я не думаю, что, если бы я училась в Кыргызстане, где-то было бы какое-то лицензионное, например, ПО. Мы вот проекты делали в Project Expert – да, ограниченное количество лицензий, но они были, и мы делали работу. Иногда, конечно, по двое, иногда по очереди могли подключиться, но оно было».

Отмечали и более быстрый переход на онлайн технологии в период ковида, и тот методический след, который оставил этот процесс: «электронные университеты во время ковида довольно быстро... подняли. В Кыргызстане так быстро не адаптировались. ... этот дистанционный формат оставил такой хороший отпечаток в плане развития этих всех курсов».

Финансовую поддержку магистрантов тоже можно отнести к технологическому ряду решения педагогической задачи. Стипендия в Кыргызстане – 800–1000 сомов, это около 1200 рублей, причем получают её только отличники. «А здесь по приезду уже каждый месяц дают стипендию 3000–3200. Это если у тебя дипломная работа на «четыре». У меня одноклассник есть, он закончил на «пять» ... получит... в два раза больше нас».

А неприятие у некоторых магистрантов вызывала ограниченность доступа в университеты тех, кого у нас считают посторонними: «Здесь мои знакомые или сестра не могут заходить в университет, потому что у нее нет пропуска. А в Кыргызстане мои родители, родственники могли заходить в университет и общаться с преподавателями... наши родители... не успокоятся. ... они спрашивают преподавателя, как моя дочь, ... как ее успеваемость?». У них безопасность общества – в сплочении семей, у нас – в барьерах на входе в университет.

«Futura sunt in manibus deorum» («Будущее в руках богов»)

«Будущее в руках богов», но у студентов бакалавриата и магистратуры есть и свои соображения на этот счет. Размышляя о будущем, они делятся на две категории. Номады собираются продолжить образовательное кочевье по городам и весям. Девушка-кыргызка: «я думала насчет Канады, либо Восточной Азии: Южная Корея, Китай». Русская девушка: «... либо, если прям хорошо постараться, куда-нибудь в Европу». Менее мобильные или амбициозные собираются обрести новую почву в России: «... подавать документы на ВНЖ. ... реализовывать себя в России». Объясняют это, как правило, тем, что «... тут больше возможностей намного. И есть куда стремиться». Респондент-кыргыз: «я больше склоняюсь к тому, чтобы остаться в России... Я уже знаю, куда могу пойти работать... совершенно уверен, что могу как-то приспособиться».

При этом сказывается и фактор крови: собираются переехать из Томска поближе к родственникам, если те живут в других регионах, «перевезти [из Кыргызстана] ... свою маму, ... всех близких сюда». Этой постановке вопроса вторит другая русская респондентка: «без этой подушки безопасности, именно без родственников, которые рядом находятся, очень тяжело. Я за четыре года поняла это». И тот же зов крови, помноженный на культурную дистанцию, представительницы коренного этноса Кыргызстана: «Я отучусь и уйду... я хочу к себе на родину. Там мои родственники, семья, друзья есть. И там я чувствую себя свободно. А здесь я как одинокая. [причина связана] с языком, наверное».

Когда заходил разговор о причинах возможного возвращения на родину, то юноши порой увязывали это с СВО: «... небезопасно в этом плане». Была реакция и на санкционный режим: «... когда я на лето возвращаюсь в Кыргызстан, у меня снова полный функционал всяких возможностей к просмотру ресурсов и всего такого. У меня просто сносит голову». Схожее мнение другого респондента: «... с России даже попутешествовать никуда не уедешь, кроме стран СНГ. А с Кыргызстана... можно по всему миру поехать».

Интересно, что упоминались факторы, выталкивающие русских студентов, как из России, так и из Кыргызстана: в первом случае это была неуверенность в обретении жилья, в получении российского гражданства: «... без гражданства или хотя бы без прописки будет сложно здесь жить. Если этого не будет, то тут уже сразу домой». В другом случае – конфликт культур в Кыргызстане: «... у нас очень сильный расизм. Это я могу признать на самом деле. ... даже если ты найдёшь работу, возможно, тебя не возьмут из-за нации».

Студенты из Казахстана, рассказывая о своих планах на будущее, разделились на две основные группы. Первые — это те, кто хотят остаться в России для дальнейшей реализации и жизни в целом: «Остаться в России, я желаю продолжить здесь учебу, магистратуру, желаю очень найти здесь себя». Причем одни студенты собираются продолжить обучение и карьеру в Томске: «Пока единственный вариант вижу, что я здесь также в ТПУ останусь. Дальше в магистратуре учиться и работать здесь же при ТПУ». Другие собираются продолжать учёбу, искать работу в крупных городах: «... рассматриваю еще Новосибирск и Питер». Второе направление, куда собираются отправиться студенты, после окончания бакалавриата, это европейские страны: «... очень хочу уехать в страны Европы. Например, это Германия, Италия, Франция... хочу поступить за границу для того, чтобы учиться в магистратуре».

Вариант возвращения на родину большинством студентов из Казахстана не рассматривался. Были и весьма категоричные суждения по этому поводу: «Вообще не рассматриваю. И ни разу не рассматривал [возвращение в Казахстан]». Это может свидетельствовать об адаптации в новой среде, о том, что человек нашел себя в новой культуре и обществе. Нежелание возвращаться обратно может также свидетельствовать о том, что человек пережил определенные разочарования в родной стране, что усиливает его желание остаться в России. Чувства к родной стране изменились, и он больше не ощущает себя там «дома»: «... меня туда не тянет... мне туда не хочется, потому что просто это уже не родное. Родное – это Россия». Но были и те, кто допускал возвращение на родину из-за привязанности к родным: «... Семья, родители, бабушки, дедушки и все. А так меня больше ничто нигде не держит». Несколько раз студенты ссылались и на нестабильность в России в связи с СВО: «... уеду [в Казахстан], если обострится ситуация с войной». Упоминалась важность финансовых аспектов при принятии решения о выборе страны: «Только от зарплаты зависит полностью [выбор страны]».

«Verba volant, scripta manent» («Слова улетают, написанное остаётся»)

Беседы со студентами из Кыргызстана и Казахстана позволили зафиксировать те причины, которые привели их в российские университеты и, далее, через каскад проблем в академической и бытовой сферах, повлияли на планы постакадемической жизни. Эта информация прозвучала на фоне определённой общественно-политической и экономической ситуации первой половины двадцатых годов XXI века.

Материалы интервью раскрывают внутренний мир студентов-мигрантов, свидетельствуют о перенесенной некоторыми из них социальной травме миграции и стремлении решить эту

проблему через социализацию в принимающем обществе. Для представителей последнего эти материалы могут быть основой эмпатии в отношении тех, кто приехал к нам учиться из Кыргызстана и Казахстана.

Не распространяя мнения наших собеседников на всех студентов этих двух стран, которые учатся в России, мы, тем не менее, зафиксировали многие из тех оценок жизненных ситуаций, которые присутствуют в этой среде. Их взгляды – составная часть общественного сознания данной когорты молодёжи.

Но есть ещё одна проблема, которая не должна остаться за рамками этого текста. При поиске респондентов мы столкнулись с отказом представителей вузов предоставить фамилии и телефоны потенциальных респондентов, а попытка выйти на них через социальные сети и прочие пабрики успехом не увенчалась. Было немало тех, кто отказывался от участия в интервью, уклончиво ссылаясь на занятость. Чувствовалось, что ребята осторожничают, опасаясь, что записанный на диктофон разговор, может принести неприятности. Всего несколько лет тому назад респонденты были гораздо более доступны. Выход мы нашли через так называемые «тёплые контакты» – сначала через знакомых, затем наши собеседники, поняв, что тема интервью не только не вызывает опасений, но и довольно интересна, давали нам следующие контакты. Конечно же, это сужало круг возможных респондентов, приводило к изменениям запланированного нами категориального состава. Всё это также является отпечатком эпохи, когда и без того слабое доверие между людьми стало ещё более зыбким. Тем не менее было немало тех, кому мы очень благодарны за искренние и развёрнутые ответы.

Список источников и литературы

Бердникова Д. Статистика: каждый шестой студент томских вузов — иностранец // VTOMSKE.RU. URL: <https://vtomske.ru/news/208351-statistika-kajdyi-shestoi-student-tomskih-vuzov-inostranec?ysclid=m88yfhns2462002323>

В 2025 году в российские вузы по квотам примут 700 киргизских студентов // Вести. URL: <https://www.vesti.ru/article/4234594?ysclid=m88hxef7075184408>

Конституционный Закон Кыргызской Республики «О государственном языке Кыргызской Республики» // Министерство юстиции. URL: <https://cbd.minjust.gov.kg/112618/edition/1264993/ru?ysclid=m88wrkd9b8255204346>

Конституция Кыргызской республики // Министерство юстиции. URL: <https://cbd.minjust.gov.kg/112213/edition/1202952/ru?ysclid=m88wntbg9j5739984>

О казахстанском студенчестве в России // Посольство Республики Казахстан в Российской Федерации. URL: <https://kazembassy.ru/rus/studenty/vuzy/>

Студенты из Центральной Азии учатся в России для успешного трудоустройства // Ведомости. URL: <https://www.vedomosti.ru/society/articles/2024/11/18/1075616-studenti-iz-tsentralnoi-azii-uchatsya-v-rossii-dlya-uspeshnogo-trudoustroistva>

Тагаев М.Д. Русский язык в Кыргызстане: языковая политика, цифровые ресурсы и научно-образовательный дискурс молодого поколения // Международный научный конгресс «Русский язык в странах СНГ: положение, функционирование, коммуникация» 1-3 ноября 2022г. С.5. URL: <https://e-cis.info/upload/iblock/4e9/mp9v8rcfk5s2re5ckz616vx0st3z0lar.pdf>

Штомпка П. Социальное изменение, как травма // Социс. 2001. № 1. С.6-16.

Юн С.М., Погорельская А.М., Трофимов В.А., Таалайбек кызы Ж. Трудовая и образовательная миграция из Кыргызстана в Россию в условиях международного кризиса 2022–2023 гг. // Вестник Томского государственного университета. История. 2024. № 89. С. 133–142.

QS World University Rankings 2025. URL: <https://www.topuniversities.com/world-university-rankings>